

Бѣлый домъ.

*Tell me the tales
That to me vere so dear,
Long long ago —
Long long ago.*

*Long, long ago —
long ago*

Дни дѣтства, васъ хочу я призвать назадъ, беззаботныя, милыя времена, о васъ хочу съ любовью вспомнить

Снова зазвучать легкіе шаги моей матери по свѣтлымъ комнатамъ, и люди, посѣдѣвшіе подъ тяжелою ношей жизни, будутъ смѣяться, словно тѣ, которымъ незнакомы ихъ судьбы.

Умершее снова заговорить нѣжными голосами, и старыя пѣсни послышатся въ хорѣ воспоминаній.

Но прозвучать и горькія тяжелыя слова, произносимыя лишь тѣми, кому знакомы жестокіе расчеты съ суровой жизнью.

Tell me the tales
That to me were so dear,
Long long ago —
Long long ago.

Это было дома въ сумерки.

На дворѣ тихо падалъ слой за слоемъ сверкающій снѣгъ.

Исчезли въ темнотѣ надворныя постройки, скрылись очертанья высокихъ тополей. Только пастухъ Іенсъ бродилъ между сараями со своимъ фонаремъ.

Въ комнатѣ сидѣли мы, дѣти, въ кружочкѣ на скамейкахъ. Комната была большая; дальніе углы исчезали во мракѣ. Вѣроятно оттого, что было темно, мы спрятали головы за гардиной.

Нѣжно звучалъ голосъ мамы, струны рояля издавали звуки, похожіе на звуки арфы.

Tell me the tales
That to me were so dear
Long long ago —
Long long ago.

Пѣсня смолкла. Не слышно было ни одного звука. Вильямъ, сидѣвшій ближе

ясъхъ къ матери, заснулъ на своей скамеечкѣ.

— Мама, пой дальше.

Лучъ свѣта скользнулъ по клавишамъ, пробѣжалъ по всей комнатѣ и исчезъ: пастухъ Іенсъ тихо пробирался мимо оконъ со своимъ фонаремъ.

— Мама, пой дальше.

Дверь потихоньку пріотворилась. Это былъ папа.

По той дорожкѣ,
Гдѣ ходила
Маленькая Гелла,
Рука Педера начертила
Руны на прощанье.
А самъ онъ
Поднялъ якорь
И съ попутнымъ вѣтромъ
Покинулъ Данію.
И датскихъ дѣвушекъ
Ласковыя рѣчи
Сердце обольстили,
Ласковыя рѣчи
Муки причинили,
Ласковыя рѣчи.

Тихо. Мама, нѣжная и стройная, похожа

на тѣнь. Когда тѣнь молчитъ, слышится
тиканье большихъ часовъ.

Ласковыя рѣчи
Сердце обольстили,
Ласковыя рѣчи
Муки причинили,
Ласковыя рѣчи.

Снаружи кто-то осторожно нажимаетъ
дверную ручку. Это дѣвушки хотятъ по-
слушать пѣсню. Сидятъ вокругъ кухоннаго
стола, на которомъ стоитъ свѣча въ мѣд-
номъ подсвѣчникѣ, и слушаютъ, какъ „ба-
рыня поетъ“.

Дворецкій прокрадывается въ комнату.
Онъ заботливо снялъ свои деревянные баш-
маки и стоитъ, прислонившись къ двери,
около ведра съ водой.

— Дѣти!

— Что, мама?

— Подпѣвайте.

Мама повышаетъ свой голосъ, немного
сильнѣе ударяетъ по дрожащимъ клави-
шамъ и запѣваетъ:

Прекрасна земля,
Великолѣпно Божье небо,
Красиво странствованье нашихъ душъ.

Немного робко звучать въ темнотѣ изъ
угловъ дѣтскіе голоса, повторяя за мамой
мелодію:

Черезъ прекрасныя царства земныя
Мы идемъ съ пѣснопѣвными въ рай.

Въ кухнѣ все еще молча сидятъ дѣвуш-
ки вокругъ горячей свѣчи.

Мужчиноподобная Марія стираетъ со щеки
слезу своей мозолистой рукой.

— Эту пѣсню,—говоритъ она,—барыня
пожелаетъ услышать передъ смертью.

Все молчитъ... Говорятъ только большіе
часы около двери.

Одинъ изъ мальчиковъ тихо произноситъ
изъ своего угла:

— Мама, спой еще разъ ту, непонятную
пѣсню.

Мамина тѣнь еще молчитъ. Затѣмъ снова
звучать, только гораздо слабѣе, струны
рояля, дрожащія какъ у арфы.

Tell me the tales
That to me were so dear
Long long ago —
Long long ago.

— — —

Дни дѣтства, васъ хочу я призвать назадъ, нѣжныя времена невинности, когда на душѣ было такъ легко. Ласковые дни, когда слезы были такъ трогательны.

Дни дѣтства, когда мама еще была жива. Я помню, мы однажды собирали ежевику. Мама, мы, дѣти и Тина, дочь школьнаго учителя. Ягодъ было много; кустики были красивые.

Мы спускались въ овраги и бѣгали вдоль забора. Мы, дѣти, запутывались въ вѣткахъ и кричали; наши лица были такъ перепачканы, что мы походили на мальчиковъ кузнеца Ларса.

— Посмотрите на мальчишекъ! — закричала мама.

Но Тина схватила большую вѣтку, богато изукрашенную темными ягодами, и быстро набросила ее на плечи мамѣ.

— Ахъ, вы, моя красавица, — сказала она.

Мама стояла на пригоркѣ съ вѣткой на груди. Высоко, подъ сіяющимъ небомъ.

— — —

Дни дѣтства, васъ хочу я призвать назадъ.